

Санкт-Петербург, Захарьевская улица, 21

25 сентября 2016

Дом № 21 по Захарьевской улице был построен в 1848 году для жены тайного советника Овчинниковой, в 1898 году был перестроен архитектором Николаем Дмитриевым, который впоследствии стал владельцем здания. Фасад дома по преимуществу напоминает постройки итальянского ренессанса.

В 1930-х годах здесь жила семья Мориса Абовича Шварца.

Морис Абович Шварц родился в 1894 году в литовском городе Ковно.

Внучка Мориса Абовича, поэтесса Елена Шварц сохранила семейные воспоминания о деде: «Отец моего деда, Мориса Шварца, был бондарем на Каунасской пивоварне. Дедушка стал рано работать учеником портного, вступил в Бунд. Убогость окружающей жизни и преследования полиции вынудили его искать удачи в других краях. Он эмигрировал, жил в Германии. Первая мировая война застала его во Франции, он вступил добровольцем в Русский экспедиционный корпус и вместе с ним вернулся в Петроград – в роковом Октябре, подоспев как раз к взятию Зимнего. Принимал в нем участие, стал большевиком. Женился на Любви Рубиной и вместе с ней ушел воевать против белых. В Сибири, прямо в действующей армии, у них родилась дочь Дина, моя мама. Ее возили вслед за маневрирующими красными полками в детской коляске, к которой была привязана курица – единственное их имущество. Впрочем, у них была еще собачка, которая во время очередного стремительного переезда потерялась, сама примчалась на вокзал и долго бежала по рельсам за уходящим поездом, о чем дедушка и бабушка с болью вспоминали многие годы».

Морис Абович Шварц с семьёй. 1934 (с сайта ["Возвращенные имена"](#))

По окончании боевых действий семья вернулась в Петроград. Морис Абович пошел работать портным, быстро стал мастером, потом он стал директором швейной фабрики им. Мюнценберга. Параллельно учился в Промакадемии. Все вспоминают его как веселого и доброго человека.

22 декабря 1936 года, в возрасте 41 года он был арестован. Его средняя дочь, Роза Морисовна Шварц (Панфилова) вспоминает: «Папа пришел с работы с двумя людьми в штатском. Обыск продолжался до глубокой ночи. Были перерыты все книги, мягкие вещи, фотографии, переписка. Папа все время сидел в углу, на диване, молча. Мама плакала. Когда папу уводили, он стал обнимать, целовать нас и сказал только: "Не плачьте, я скоро вернусь". Больше ничего не сказал,

эти люди в штатском его увели».

Формально, он был арестован по доносу одной из работниц фабрики: она сообщала о том, что он злодейски сократил длину юбочек, заказанных на фабрике для участниц первомайского парада. Но на самом деле это были «плановые» волнообразные аресты директоров фабрик, назначенных Кировым, – сегодня одной отрасли, завтра другой.

Он был расстрелян в мае 1937 года, но семья узнала об этом уже после реабилитации. Все эти годы, вопреки всему, ждала его возвращения. Его жена имела неосторожность написать в начале 1937 года письмо Сталину, видимо, не совсем в том духе, в каком можно было обращаться к Другу детей и физкультурников. Она осмелилась упрекать его в несправедливости. За ней пришли летом того же года и увели на глазах у трех дочерей, старшей из которых, Дине, было около 16 лет. Она запомнила, что когда полуодетую, вытащенную среди ночи из постели мать уводили, красноармеец, стоявший у печки на карауле, строил ей глазки. Девочек удочерила сестра арестованной, Берта Израилевна Рубина, которую за этот неосторожный поступок сразу же исключили из партии и только чудом оставили работать. Она и вырастила всех на свою жалкую зарплату химика-лаборанта. Попытки узнать хоть что-нибудь об участии родителей не удавались. Только через два года Любви Израилевне разрешили написать детям. Она прошла тюрьмы, лагерь, ссылку, тяжело заболела там и приехала умереть в родной город в 1950 году.

*Справа налево - маленькая Дина Морисовна Шварц, её мать Любовь Рубина и отец Морис Шварц.
Фотография из семейного архива Бориса Миркина, 1926 год.*

В 1947 году Роза Шварц ходила в Управление НКВД на Чайковской. Ее принял днем в затемненной комнате некто в штатском, он зловеще-весело сказал ей, что раз приговор «десять лет без права переписки», значит скоро вернется. Она возразила: «Десять лет уже прошло». – «Вот и вернется скоро», улыбаясь, ответил тот.

Такова вкратце чудовищная история гибели семьи Мориса Абовича Шварца, жуткая отчасти именно своею типичностью – тем, что подобное происходило, как в дурном сне, с миллионами других людей.

Дело Мориса Абовича Шварца началось со справки на арест, составленной по показаниям Тимофея Ивановича Грехова – начальника 3-го цеха фабрики им. Мюнценберга, арестованного экономическим отделом УНКВД ЛО «за систематическую контрреволюционную агитацию среди рабочих».

Вместе с Греховым 3 октября 1936 года были арестованы сменный мастер того же цеха

Антонина Ивановна Куликова и инспектор по качеству цеха № 3 Александр Федорович Соколов. От Грехова каким-то из многочисленных изощренных способов добыли признания в том, что членами террористической организации на фабрике являются ее директор М.А. Шварц, начальник 4-го цеха М.Б. Гутман, начальник 2-го цеха М.П. Шерин, начальник ПВО Танхум Аронович Брук и зав. складом Генух Залманович Левин.

21 декабря 1936 года врид Военного прокурора ЛВО Дмитриев дал санкцию на арест нововыявленных «террористов». Еще раньше в связи с этим делом были арестованы бывший заместитель директора фабрики им. Мюнценберга С.А. Мензило и начальник утильцеха фабрики К.Г. Стрейжис.

Ни в одном из протоколов допросов и очных ставок Шварц не подписал признание в своей вине. Он был расстрелян 10 мая 1937 года вместе с восемью товарищами по фабрике.

Лишь через 20 лет – в 1957 году – родственники получили бумагу о полной реабилитации Мориса Абовича Шварца.

Табличка памяти М.А. Шварца [появилась на доме](#) 21 по Захарьевской улице 25 сентября 2016 г.

Фото: Наталья Шкуренко